

Евгений Петрович Сергун

*Доцент кафедры уголовного, административного права и процесса
Горно-Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук
E-mail: e.p.sergun@gmail.com*

Семейно-бытовая преступность как криминологическая и нравственно-культурная категория*

Аннотация: *в статье излагается авторское криминологическое определение понятия «семейно-бытовая преступность» через отстаивание тезиса о том, что семейно-бытовые отношения, как и любой иной тип социального взаимодействия, способны детерминировать преступное поведение. Семья как*

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 16-13-04002.

традиционный социально-культурный институт имеет нравственную составляющую, содержание которой может расходиться с современными юридическими представлениями о правомерном поведении. Вопрос о том, насколько легитимно вмешательство государства в устоявшийся семейно-бытовой уклад, до настоящего времени остается дискуссионным. Однако предполагается, что семья должна стать объектом криминологического изучения не столько как среда, в которой могут реализовываться преступные намерения, сколько как сфера общественных отношений, порождающая причины и условия девиантного поведения, подлежащие научному рассмотрению. В противном случае выделение криминофамилистики в самостоятельную отрасль криминологии представляется недостаточно обоснованным.

Ключевые слова: семейно-бытовая преступность, домашнее насилие, криминофамилистика, виды преступности, предупреждение преступности, криминологическая политика.

Evgenij Petrovich Sergun

Associate Professor of the department of criminal law, administrative law and procedure of the Gorno-Altai State University, candidate of legal sciences

Domestic Crime as a Criminological and Moral-cultural Category

Annotation: *the article presents the author's criminological definition of "domestic crime" through defending the thesis that family and domestic relationship as any other type of social interaction, is able to determine criminal behavior. The family, as the traditional socio-cultural institution has a moral component, the content of which may run contrary to modern legal notions of legitimate behavior. The question of how legitimate the state intervention in the established family domestic order would be, though it still remains debatable. However, it is expected that the family should be the object of criminological study not so much as the environment in which one can implement one's criminal intents, but rather as a sphere of social relations that generate the causes and conditions of deviant behavior subject to scientific scrutiny. Otherwise, the allocation of criminofamilistics as an independent branch of criminology seems far from being obvious.*

Keywords: *family domestic crime, domestic violence, criminofamilistica, types of crime, crime prevention, criminological policy.*

Несмотря на кажущуюся научно-теоретическую «очерченность» Семейно-бытовой преступности как самостоятельного вида преступности, выделяемого в криминологии (о чем свидетельствует, в частности, образование еще в начале 1970-х гг. в СССР обособленной научной отрасли — криминофамилистики), ученые пока не смогли прийти к единогласной позиции относительно его понимания. Среди многочисленных мнений по этому поводу фигурирует и такое, согласно которому введение в криминологический понятийно-категориальный аппарат термина «семейно-бытовая преступность» является излишним, т. к. в соответствии с одним из подходов рассматриваемый условный вид преступности не обладает достаточной спецификой, а практические меры, направленные на борьбу с такого рода девиантным поведением, фактически лишены существенных особенностей по сравнению с «базовым набором» общепреventивных мер.

Отметим некоторые проблемы, возникающие при попытке точного научного определения понятия «семейно-бытовая преступность».

Первая сложность состоит в том, что к интерпретации данного понятия можно подходить по-разному в зависимости от того, какое основание для научного обособления рассматриваемого вида преступности берется в качестве доминирующего. Причем акценты могут быть расставлены достаточно плюралистично. Допустим, одни ученые приоритетным сделают изучение личности семейно-бытового преступника и уже логическим путем будут пробовать вывести из его дефиниции общее определение семейно-бытовой преступности. Другие уделят первостепенное внимание изучению социального института семьи как некой сферы, в границах которой формируется особый тип преступного поведения. Третьи же усмотрят главные детерминанты преступности в самом обществе, и в этом смысле семейно-бытовые конфликты представятся лишь одним из многочисленных следствий общих причин и условий преступности. Перечень такого рода критериев можно продолжить.

Вторая сложность заключается в том, что понятие «семейно-бытовая преступность» находится в логическом отношении пересечения с не менее абстрактными категориями, такими как «бытовая преступность», «насильственная преступность», «преступность несовершеннолетних», «женская преступность» и др. Комплекс мер по их общему предупреждению в настоящее время, по сути, идентичен, да и на уровне специального предупреждения нередко возникает искусственная конкуренция формально выделяемых видов преступности. Так, например, не понятно, надлежит ли рассматривать нанесение супругом побоев своей жене в рамках семейно-бытовой или насильственной преступности. Очевидно, что в таких случаях представители различных криминологических направлений будут говорить об одном и том же феномене, давая ему, однако, неодинаковые названия.

Очередная проблема заключается в том, что представляется весьма затруднительным назвать исчерпывающий перечень преступлений, являющихся атрибутами семейно-бытовой преступности, хотя бы потому, что личность семейно-бытового преступника не выделяется в уголовном законе в качестве специального субъекта. И хотя в ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), в частности в ст. 116 «Побои», используется формулировка «в отношении близких лиц», а в ст. 150 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» и ст. 151 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий» законодатель оперирует понятием «родитель», отнесение названных деяний к числу семейно-бытовых преступлений выглядит небесспорно. Полагаем, что одного лишь факта преступления против члена семьи недостаточно для того, чтобы утверждать, что именно семейно-бытовые отношения явились почвой для его совершения. Так, мотивообразующим фактором насильственного срыва на супругу могли послужить банальные неприятности на работе, например, увольнение, а вовсе не обстоятельства семейной жизни. Это означает, что те же побои по ст. 116 УК РФ, совершенные в отношении члена семьи, далеко не во всех ситуациях разумно относить к группе семейно-бытовых преступлений. Данное обстоятельство значительно усложняет научную разработку гипотетически возможного механизма предупреждения изучаемого вида преступности.

Еще одна сложность криминологического обособления семейно-бытовой преступности как самостоятельного вида состоит в том, что рассмотрение семьи как определенной социальной среды в качестве криминогенного фактора выглядит достаточно дискуссионным. Согласимся с тем, что отстаивание суждения, в соответствии с которым семья сама по себе способна обуславливать преступность, отчасти «дискриминирует» семью как традиционный социально-культурный институт. Однако в какой-то степени — это неизбежное следствие официального научного признания существования семейно-бытовой преступности.

Впрочем, вышесказанное не следует интерпретировать как обоснование необходимости отказа криминологии от изучения семейно-бытовой преступности. Напротив, сложившаяся социальная обстановка требует того, чтобы наука в скором времени разрешила обозначенные спорные моменты и предложила модель результативной организационно-правовой политики. Кроме того, если на уровнях общего и специального предупреждения преступности криминофамилика пока в известной степени обезличивается, то в части индивидуального предупреждения преступности, т. е. мер, адресованных конкретным неблагополучным семьям, ее важная роль неоспорима.

По нашему убеждению, при криминологическом определении семейно-бытовой преступности следует опираться на следующие выводы.

Во-первых, субъектом насилия, лежащего в основе семейно-бытовой преступности, может быть каждый член семьи, и оно характеризуется направленностью исключительно на другого члена (членов) своей семьи. При этом под «членами семьи», согласно мнению Е. Г. Полищук, понимаются супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, полнородные и неполнородные братья и сестры, бабушка, дедушка, внуки, дети полнородных и неполнородных братьев и сестер (племянники и племянницы), дяди и тети, прадедушки, прабабушки. В этом смысле представляется целесообразным ограничить дальнейшее родство третьей степенью родства включительно¹. Справедливо отмечено, что смещение акцента в понимании посягательств в сфере семейно-бытовых отношений в сторону насилия против женщин (в частности мужей в отношении своих жен) неоправданно сужает круг потенциальных жертв внутрисемейных преступлений и ограничивает возможности профилактической работы по линии субъектной направленности².

Во-вторых, следует различать семейно-бытовое насилие и уголовно наказуемые действия насильственного характера, совершаемые членами семьи в отношении друг друга. Должно ли государство вмешиваться в институт семьи в такой степени, в какой это нужно для предотвращения именно семейно-бытового насилия — вопрос полемичный. Так, 1 октября 2015 г. председателем Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека М. А. Федотовым главе государства был передан

¹ См.: Полищук Е. Г. Совершенствование механизма правового обеспечения профилактики преступлений в сфере семейно-бытовых отношений // Юридическая наука. 2011. № 1. С. 56.

² См.: *Ее же*. Международные механизмы противодействия преступлениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2008. № 2. С. 39.

законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» с просьбой внести его на рассмотрение в Государственную Думу ФС РФ. Указанный законопроект вызвал жгучее обсуждение среди общественности. Его противники отмечают, что принятие закона нарушит принцип «недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи» (ст. 1 Семейного кодекса РФ от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ) и приведет к осуществлению произвольных репрессий в отношении граждан и семей, мотивируя это тем, что под понятие «семейно-бытового насилия» можно подвести любые повседневные события семейной жизни¹. Действительно, предупреждение преступлений — это аспект юридический, государственно-правовой, в то время как предупреждение семейно-бытового насилия — сторона этическая, культурно-нравственная, аксиологическая.

Важно учитывать, что конкретные формы семейно-бытового насилия могут быть признаны преступными либо административно наказуемыми лишь в случаях, когда они представляют общественную опасность. Это в буквальном смысле означает, что такого рода насилие должно представлять опасность не для личных отношений между членами семьи и не для, скажем, совместно нажитого супругами имущества, а для общества в целом. Следовательно, необоснованно запрещать общественно неопасные «скандалы» и «устраивание беспорядков» взрослыми членами семьи из-за личных конфликтов, если при этом в одностороннем порядке не нарушаются их конституционные права, права третьих лиц, не происходит фонового негативного психологического воздействия на несовершеннолетних членов семьи, а также отсутствует акцептирование кем-либо из членов семьи вмешательства представителя власти в сферу внутрисемейных отношений. Несмотря на, казалось бы, очевидность такого аргумента, подобные запреты все же существуют. Так, диспозиция ст. 7 «Семейно-бытовое дебоширство» Закона Республики Алтай от 10.11.2015 № 69-РЗ «Об административных правонарушениях в Республике Алтай»² характеризуется юридико-техническим несовершенством и сформулирована следующим образом: «Семейно-бытовое дебоширство в месте проживания (пребывания) семьи, то есть скандал, устраивание беспорядка, которые сопровождаются шумом и нарушают покой семьи».

Более того, судам рекомендуется обратить внимание на то, что с позиций сохранения целостности и финансового благополучия семьи наиболее эффективными видами наказания за совершение семейно-бытовых преступлений небольшой тяжести (например, предусмотренных ч. 1 ст. 112, ст. 115, 116, ч. 1 ст. 117, ст. 119 УК РФ) выступают обязательные работы (при наличии у осужденного члена семьи основного места работы) либо исправительные работы (при отсутствии у осужденного члена семьи основного места работы). В частности, хотя штраф и является наименее строгим видом наказания (по ч. 1 ст. 115 УК РФ), вместе с тем, если осужденный — единственный

¹ См.: *Ильяшенко А. Н., Сапунов А. Г.* Перспективы законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия» в контексте мер противодействия сексуальной насильственной преступности в семье // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2015. № 4. С. 50.

² См.: Об административных правонарушениях в Республике Алтай : закон Республики Алтай от 10.11.2015 № 69-РЗ (в ред. от 03.06.2016 № 45-РЗ) // Сборник законодательства Республики Алтай. 2015. № 128. С. 3.

кормилец в материально нуждающейся семье, то фактически неблагоприятные последствия данного уголовного наказания будут претерпевать все члены его семьи. Это не только в какой-то степени нарушает логику и принципы уголовной ответственности, но и может провоцировать членов таких семей на принятие решения о разводе. Органам правосудия надлежит учитывать, что уголовная ответственность одного из членов семьи, причиной которой послужила сама семья, — проблема всей семьи, и стремиться к тому, чтобы, по возможности, не допустить распада семьи из-за самого факта привлечения его члена к уголовной ответственности за преступление небольшой тяжести.

В-третьих, при толковании категории «семейно-бытовая преступность» считаем рациональным все же отталкиваться от тезиса о том, что семейно-бытовые отношения, как и любой иной тип социального взаимодействия, способны порождать детерминанты преступного поведения. В противном случае справедливо говорить не о семейно-бытовой преступности, а о бесконечном многообразии социальных сред, в которых могут реализовываться преступные намерения (в числе которых семья по большей части не имеет каких-либо принципиальных особенностей). Считаем, только найдя причины и условия девиантного поведения в самом семейно-бытовом укладе, можно отграничить их от внешних детерминант противоправного поведения и тем самым аргументированно утверждать о наличии самостоятельного вида преступности.

В-четвертых, полагаем, следует принять во внимание, что преступление в отношении члена семьи, совершенное членом данной семьи в состоянии алкогольного, наркотического опьянения или иного одурманивающего воздействия, с криминологических позиций нелогично причислять к формам семейно-бытовой преступности, поскольку алкоголизация и наркотизация населения относятся к числу внесемейных, универсальных факторов преступности. Именно на них должно быть направлено криминологическое воздействие, а не на ячейку общества, ставшую случайной «жертвой» указанных социально-психологических процессов. В мире количество преступлений, детерминированных потреблением алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ, увеличивается, а потому неудивительно, что растет и количество таких преступлений, совершаемых в семьях¹. Исследование самого института семьи в этом аспекте кажется нам беспредметным и заведомо нерезультативным.

В-пятых, необходимо заметить и то, что причиной внутрисемейных конфликтов в большинстве случаев является банальная эмоциональная несдержанность, обусловленная недостаточным самообладанием, а также слабой стрессоустойчивостью членов семьи. Низкая психологическая грамотность (культура) граждан выступает общесоциальной детерминантой всякого рода девиантного поведения, а потому нелогично апеллировать к ней при определении понятия «семейно-бытовая преступность». Отмеченный признак не будет являться существенным в дефиниции.

На уровне регионов следует продумать возможность предоставления населению доступа к бесплатным (за счет средств из бюджетов субъектов Российской Федерации) консультациям специалистов в сфере семейной психологии.

¹ См.: Зелик В. А., Яблочкин А. Е. Особенности семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Общество и право. 2014. № 4. С. 170.

Оригинальным может выглядеть законодательное установление обязанности посещения специализированных коррекционных психологических курсов лицами, неоднократно уличенными в семейно-бытовых конфликтах.

На основании вышеизложенного отразим свое понимание семейно-бытовой преступности как криминологической категории.

Семейно-бытовая преступность — относительно самостоятельный вид преступности, описывающий массовое совершение уголовно-противоправных деяний в отношении друг друга членами семьи — традиционного социально-культурного института, детерминантами которых выступают как исторически сложившиеся (но дающие сбой в условиях прогрессирующего общества), так и эволюционирующие, порождаемые современными государственно-правовыми реалиями определенные внутрисемейные отношения и особенности семейно-бытового уклада.

Пристатейный библиографический список

1. Зелик, В. А. Особенности семейно-бытовых преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения / В. А. Зелик, А. Е. Яблочкин // Общество и право. — 2014. — № 4. — С. 170–174.

2. Ильяшенко, А. Н. Перспективы законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия» в контексте мер противодействия сексуальной насильственной преступности в семье / А. Н. Ильяшенко, А. Г. Сапрунов // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2015. — № 4. — С. 49–53.

3. Полищук, Е. Г. Международные механизмы противодействия преступлениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. — 2008. — № 2. — С. 36–40.

4. Полищук, Е. Г. Совершенствование механизма правового обеспечения профилактики преступлений в сфере семейно-бытовых отношений // Юридическая наука. — 2011. — № 1. — С. 55–57.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 06.07.2016 № 375-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25, ст. 2954.

References

1. Il'jashenko, A. N. Perspektivy zakonoproekta «O profilaktike semejno-bytovogo nasilija» v kontekste mer protivodejstvija seksual'noj nasil'stvennoj prestupnosti v sem'e [Prospects for the bill “On prevention of domestic violence” in the context of measures of resistance against some violent sexual crime within the family] / A. N. Il'jashenko, A. G. Saprunov // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. — 2015. — No. 4. — P. 49–53.

2. Polishchuk, E. G. Mezhdunarodnye mehanizmy protivodejstvija prestuplenijam, sovershaemym v sfere semejno-bytovyh otnoshenij [International mechanisms for combating crimes in the sphere of the family-domestic relations] // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Ser.: Pravo. — 2008. — No. 2. — P. 36–40.

3. Polishchuk, E. G. Sovershenstvovanie mehanizma pravovogo obespechenija profilaktiki prestuplenij v sfere semejno-bytovyh otnoshenij [Improving the mechanism of legal provision of the prevention of crimes in the sphere of family-domestic relations] // Juridicheskaja nauka. — 2011. — No. 1. — P. 55–57.

4. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. ot 06.07.2016 № 375-FZ) [Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 06.07.2016 No. 375-FZ)] // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. – 1996. – No. 25, st. 2954.

5. Zelik, V. A. Osobennosti semejno-bytovyh prestuplenij, sovershaemyh v sostojanii alkogol'nogo op'janenija [Peculiar features of family and domestic crimes committed in an alcohol intoxication condition] / V. A. Zelik, A. E. Jablochkin // Obshhestvo i pravo. – 2014. – No. 4. – P. 170–174.